

A romantic illustration of a man and a woman in 18th-century attire. The woman, with long blonde hair, wears a white lace dress and looks up at the man. The man, with blonde hair, wears a dark coat and a white cravat, and has his hand on her waist. They are in a library with bookshelves and lit candles.

Анастасия Волжская
Валерия Яблонцева

*Изысканные манеры
леди Милътон*

Я тебя не люблю

Валерия Яблонцева

**Изысканные манеры
леди Мильтон**

«Автор»

2026

Яблонцева В.

Изысканные манеры леди Мильтон / В. Яблонцева — «Автор»,
2026 — (Я тебя не люблю)

Ева Мильтон не умеет делать реверансы, зато умеет стрелять не хуже офицера и скакать на лошади в мужском седле. Она не похожа на леди, но должна ей стать, чтобы оправдать дарованный королем титул. И эта нелегкая задача ложится на плечи лорда Чарльза Хартли, обедневшего гувернера, готового на любую работу. Он холоден. Она вспыльчива. Он требует соблюдения правил. Она их презирает. Все, что их объединяет, – взаимная неприязнь, выраженная в одной случайно подслушанной фразе: «Мне жаль того, кто женится на ней только ради денег».

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анастасия Волжская, Валерия Яблонцева

Изысканные манеры леди Мильтон

ГЛАВА 1

— Мне жаль того, кто женится на ней только ради денег.

— Что-о-о?! — взвыла я, напугав мирно жующего овес Серого истошным криком.

Десятилетний Роб, будто ему все еще было три и он только выучил от офицеров пару слов, от которых чопорные матроны падают в обморок, повторил с выражением полного удовольствия:

— Лорд Черствый Сухарь в разговоре с дядькой Мертоном сказал, что искренне сочувствует тому бедняге, который соблазнится папкиными деньгами и возьмет-таки тебя в жены.

И застыл, паршивец, глядя на меня невинными детскими глазами в ожидании приступа истерики, ради которого он, собственно, и притащился в конюшню, чтобы первым пересказать мне подслушанный разговор.

Лорд Чарльз Хартли, нанятый папой гувернер, отвечавший за мою подготовку к представлению дебютанток Его Величеству Готфриду Аррейнскому, считает меня, Еву Мильтон, дочь Магнуса Мильтона, владельца порохового завода, год назад получившего баронство за заслуги перед армией, настолько никчемной, что даже большое приданое не кажется ему достаточной платой за утраченное в результате неудачного брака душевное спокойствие.

Тоже мне новость.

Но в груди все равно неприятно кольнуло. Не то чтобы я спала и видела, как поскорее влиться в дружный серпентарий старой аристократии. Мне было прекрасно известно, с каким презрением в высоких гостиных принято говорить о таких, как мы, зовущихся «новыми деньгами». И никакого принятия я от них не ждала — ни с хорошими манерами, ни без них.

Если уж честно, это папе не терпелось сделать нас с Робом частью высшего общества. «Вывести в люди», как он любил без конца повторять, хотя передовая наука уже давно создала описание человека, и обязательное наличие титула и Призрачной шпаги в этом списке не значилось. И гувернер из числа потомственных, пусть и обедневших дворян тоже был его идеей — как будто после такого нас должны больше зауважать ему подобные. Но нет. О каком принятии могла идти речь, если даже самый нищий лорд в штопаном сюртуке позволяет себе говорить обо мне... такое.

Наемный работник.

За наши же деньги.

Подленько так, за спиной.

Истинный аристократ, нечего сказать.

— Ну что? — Роб, рассчитывавший на бурную реакцию, скорчил разочарованную гримасу. — Проглотишь, что ли? Пошли морду ему начистим, как тем мальчишкам при штабе, которые дразнили тебя мужиком в юбке? Или хотя бы сюртучок его изваляем в навозе, вон из-под твоего коня как раз насыпало. Будет весело.

— Заткнись, паршивец, — осадила я мелкого братца, который уже начал подозрительно поглядывать под хвост моему Серому. — Никто никого ничем мазать не будет. Мы теперь аристократы, нужно соответствовать. Точка.

— И что? Неужели не отомстишь? Или ты теперь ле-е-еди, а леди не пристало марать ручки? Ах, какая досада! Евка терпила, язык проглотила!

— А ну кыш отсюда! — замахнулась я на Робу, но тот ловко увернулся от оплеухи и принялся носиться по проходу между стойлами.

— За невесту Миль-тон папа дал миль-он. Прибежали женихи попросить ее руки, но как Евку увидели, так и сразу деру дали! А-ха-ха!

Вместо ответа я запустила в брата скребницей. Роб ойкнул, получив зубцами по мягкому месту, схватился за ушибленный зад и с воем вылетел из конюшни. Явно побежал залечивать боевое ранение, полученное в схватке с сестрой, выклянченными у поварахи сладостями.

Я проводила мелкого задумчивым взглядом. Хотя и неприятно признавать, но в одном Роб был прав. То, что сказал в подслушанном разговоре лорд Хартли, нельзя было спускать просто так.

— Паршивый лицемер! Мерзкий слизняк! Черствый сухарь!

Я зло мерила шагами гостиную, намеренно распаляя себя до полного бешенства, чтобы в этом состоянии придумать идеальный план мести. Хороших идей пока не было. А этот... сухарь черствый за свои ядовитые слова заслуживал самого изощренного возмездия.

Было бы не так обидно, если бы я не старалась. Если бы мне, как тому же Робу, было плевать на отцовские прихоти и выброшенные на ветер деньги.

Но ведь нет. Я делала все, чтобы научиться мудреным правилам этикета. Повторяла поклоны и танцевальные па, брала чашку двумя пальчиками и обязательно с оттопыренным мизинцем, носила неудобный корсет, в котором даже в седло нормально не запрыгнешь, запоминала бесконечные виды ложек и вилок, несмотря на то что папа за ужином не стеснялся руками разламывать тушку индейки.

Не все, конечно, удавалось с первого раза. Однажды я обмахивалась веером с таким энтузиазмом, что случайно разожгла тлеющие угли в камине и немножко подпалила сюртук лорда Хартли — судя по тому, как страдальчески скривилось на секунду его лицо, единственный. А уж о том, сколько раз я расплескивала чай, смеялась не вовремя или в танце оттаптывала ноги своему гувернеру, и говорить было нечего. Но разве не в этом состоял процесс обучения? Не родился же сам лорд Хартли, в конце концов, готовым юным джентльменом, который вместо бесконечного ора первые пару лет жизни сначала долго молчал, а потом вежливо обратился к родителям с просьбой переодеть ему изгаженные штанишки и принести чашку чая.

Хотя нет, о чем это я. Настоящие лорды не испражняются в штаны. Даже в младенчестве.

Мы с Робом изысканной родословной похвастаться не могли и изящными манерами не отличались. Папа поднялся из мастеровых, в двадцать пять удачно женившись на богатой и хваткой дочери управляющего серной шахты. Вопреки расхожему мнению о несчастливых договорных браках, папа с мамой быстро нашли общий язык и общую страсть к преумножению капитала. Скооперировавшись с тестем, они выкупили захудалый пороховой завод, наладили поставку угля и производство селитры и за три года удвоили выпуск пороха и взрывчатки, став настолько успешными, что даже его величество обратил на Мильтонов внимание.

Счастье, увы, продлилось недолго. Мама умерла, когда мне было девять, а Робу — чуть больше года. Три неудачных беременности и тяжелые роды подорвали ее здоровье, а лихорадка завершила дело. Чтобы отвлечься от горя, папа с головой ушел в работу — тем более что на пороге была новая война и королевской армии требовались все возможные ресурсы.

Нас с братом отец не бросил — нанял няньку для меня и кормилицу для мелкого, вечно орущего паршивца и принялся таскать семью за собой по всем заводам, шахтам и армейским ставкам. В двенадцать я уже умела скакать на лошади в мужском седле, ставить на место зарвавшихся новобранцев и маркитанток и стрелять из револьвера не хуже иных офицеров. В тринадцать застала папу в палатке с Агнес. Он не смутился, не стал оправдываться. Собрал нас вместе за ужином и прямо сказал, что его новая женщина беременна и он собирается жениться.

Отношения выяснили на месте. Я устроила гнусную и безобразную истерику, едва не облив Агнес супом, а она врезала кулаком по столу так, что подскочили ложки, на чем мы и успокоились, признав силу друг друга. Получив от папы заверения, что маму в нашей памяти

никто не заменит, я уступила Агнес право на Магнуса-мужа. Она же пообещала, что не будет покушаться на Магнуса-отца и наш с Робом статус первых наследников. После этого в доме, который пришлось купить для растущей семьи, появились один за другим еще четверо маленьких Мильтонов. А через год после рождения младшего его величество пожаловал папе, добавившему к семейным активам три шахты и оружейный завод, дворянское звание.

И это изменило все.

С того момента папа стал буквально одержим желанием сделать из нас с Робом — а впоследствии и из младших детей — достойных представителей высшего аррейнского общества. С таким же энтузиазмом, как до этого сколачивал состояние, Магнус Мильтон принялся набиваться в друзья к соседям и пытаться налаживать связи. Вот только сделать это оказалось куда сложнее, чем выстроить пороховую империю.

Старая аристократия воротила носы от представителей «новых денег». Никто не спешил принимать нас в свой круг. Девушки держались со мной, слишком открытой и прямой по меркам светских леди, отстраненно и холодно, отклоняя наши приглашения и не присылая своих. На городских балах ко мне обыкновенно не подходило ни одного партнера, даже если девушек не хватало для танцев. Я давилась унижением и обидой и старалась удержать себя, чтобы не облить особенно мерзких змеюк пуншем, как это уже однажды случилось на приеме у леди Уорвик.

Не то чтобы я так сильно рвалась в компанию местных девиц и молодых людей. Просто... мне хотелось, чтобы у меня все сложилось так же, как у мамы с папой, — вместе и в горе, и в радости, плечом к плечу наперекор злым языкам и любым невзгодам. Вот только как и где я смогу встретить своего спутника жизни, если те лорды, кого отец хотел видеть в качестве возможных женихов, относились к Мильтонам как к грязи?

Официальное представление меня его величеству должно было все исправить. Но для того, чтобы и там не закончить вечер перевернутым на обидчиков пуншем, папа потребовал, чтобы я сперва обучилась светским манерам.

Магнусу Мильтону стоило огромных трудов отыскать во всем Южном Аррейне единственного лорда в настолько отчаянном положении, чтобы согласиться запятнать репутацию связью с «новыми деньгами» и давать мне уроки. Да, удовольствия я от них не получала, но понимала, что для папы важно, какое впечатление наша семья произведет на приеме его величества. И мне казалось, что все шло неплохо... пока лорд Хартли не перечеркнул мои старания одной короткой фразой.

«Мне жаль того, кто женится на ней...»

— Жаль! Ему жаль, видите ли! Мерзкий сноб! Высокомерный индюк! Паршивый... Нет, это уже было... А, точно! Лошадиное дерьмо!

Служанка, заглянувшая в гостиную, чтобы убрать оставшуюся после дневного чаепития посуду, ойкнула и резво скрылась за дверью, чтобы случайно не попасться взбалмошной хозяйской дочке под горячую руку.

Я победно фыркнула.

«Вот бы и лорда Черствого Сухаря можно было так же легко изгнать из нашей жизни! Пусть морщится и занудно читает нравоучения другим ученицам. А папа наймет для меня нормального наставника. Остались же, в конце концов, в Аррейне учителя по этикету, которые не гнушаются работать с новой аристократией?»

На самом деле, за два месяца, прошедших с тех пор, как его величество объявил о своем решении принять меня на первом осеннем балу наступающего сезона, папе не удалось найти никого, кроме лорда Хартли. Но сейчас я готова была согласиться на самого захудалого провинциального учителя танцев. Кто угоден был бы лучше, чем этот двуличный жук!

— Ну ты у меня получишь, — мстительно пообещала я креслу, рядом с которым обычно стоял гувернер, наблюдая за моим попытками двигаться как положено благовоспитанной леди. — Вот так! — Я с силой впечатала каблуком по воображаемой ноге. — И вот так! И вот так!

— Если вы отрабатываете движения кадрили, которые я показывал вам на позапрошлом занятии, — раздался на пороге бесстрастный голос, — то рекомендую держать спину ровно. И после резкого удара пяткой следует сделать маленькую точку носком, выдерживая ритмический рисунок. В остальном же весьма недурно.

Повернувшись, я заметила у входа в комнату высокого худощавого гувернера — как всегда идеально выбритого, причесанного и отвратительно хорошо выглядевшего, несмотря на потрепанный сюртук и протертую в паре мест шляпу.

Поймав мой взгляд, он отточенно поклонился, снимая головной убор.

— Леди Ева.

Я только зубами скрипнула.

«Вот же лицемер! Весь такой правильный, чопорный, голоса не повысит, грубого слова не скажет. А за глаза...»

— Впрочем, — продолжил этот несносный тип, — рад, что сегодня вы находитесь в столь оживленном настроении, леди Мильтон. Самое время освежить в голове правила поведения за столом во время званого ужина.

Он дважды хлопнул в ладоши, и служанка, опасливо поглядывая на меня, внесла в гостиную поднос с пустыми тарелками и приборами. Я только глаза закатила. И в каком это, интересно, мире, для человека, только что в бешенстве пинавшего кресло, самым подходящим занятием считается унылое сидение на неудобном стуле? Ах, да. У таких же снобов, как и сам лорд Черствый Сухарь.

И тут мне в голову пришла блестящая идея. Если мстить лорду Хартли, то лучше всего делать это его же оружием.

А-рис-то-кра-ти-чес-ки.

ГЛАВА 2

Привычки откладывать дела на потом я не имела, так что к реализации плана приступила на следующем же занятии.

— Для того чтобы сделать правильный придворный реверанс, вам нужно завести правую ногу за левую...

Я оборвала его негромким покашливанием.

— Прошу прощения, милорд, но не могли бы вы уточнить, как далеко?

Лорд Хартли озадаченно наклонил голову.

— Что, простите?

— Нога, милорд, — с самой невинной улыбкой пояснила я. — Как далеко нужно поставить носок правой ноги по отношению к левой?

— Недалеко. Так, чтобы вам удобно было сохранять равновесие.

— А конкретно? Восемь дюймов? Десять? Пятнадцать?

Лицо гувернера озадаченно вытянулось.

— Пожалуй... Пожалуй, десяти будет достаточно.

— Уверены? — уточнила я с мстительным удовлетворением.

— Да.

— Что ж, положусь на ваш большой опыт.

С этими словами я подошла к столику, где заранее ждали своего звездного часа перо, несколько листов бумаги и мерная линейка, и на глазах у изумленного лорда Хартли отмерила на полу положенные десять дюймов. Поставила левую ногу на первую отметку, а носком правой коснулась второй.

Стоять в таком положении оказалось не слишком комфортно. Интуитивно хотелось завести ногу глубже, но я держалась. Если что-то пойдет не так, тем лучше.

— Что дальше, милорд?

— Держите спину прямо, голову опустите.

— Как низко?

— Пяти дюймов будет достаточно.

Держа перед лицом линейку, я наклонилась четко до нужного деления. Пошатнулась. Замерла.

— Отлично. Дальше?

— А теперь сгибайте ноги, пока правое колено не коснется... Осторожнее, миледи!

Я охнула, заваливаясь набок, но вместо встречи с полом оказалась в руках гувернера. Подхватив меня за плечи, он аккуратно помог мне восстановить равновесие и тут же отдернул руки, словно обжегшись.

«Боги, мне что, удалось его смутить?»

— Странно... — Я изобразила задумчивость. — А я ведь все сделала точно по вашей инструкции. Может, попробуем еще раз? Итак, десять дюймов...

— Постойте. — Лорд бросился ко мне, как будто я снова готовилась упасть. На лице его явственно читалось смятение. — Я... Думаю, не стоит так буквально воспринимать мои слова. Если расстояния в десять дюймов вам недостаточно, чтобы удержать равновесие, попробуйте отвести ногу дальше. Главное, найти такое положение, в котором вам удобно будет опуститься, почти коснувшись правым коленом пола. Остальное не имеет значения...

— Еще как имеет! — пылко возразила я, зацепившись за слово, которым лорд Хартли буквально что сам вырыл себе могилу. — Разве не вы говорили мне, как важно четкое соблюдение правил? Будьте добры дать мне точные инструкции. А то я уже начинаю сомневаться в

вашей компетентности в качестве моего гувернера. Итак, насколько далеко я должна отвести правую ногу относительно левой?

Целую секунду он медлил с ответом.

— Пятнадцать дюймов.

— Пятнадцать? — Я мысленно праздновала победу. Обычно до раздражения невозмутимый лорд Черствый Сухарь терялся и пасовал под моим напором. — А может, семнадцать?

— Хорошо, пусть будет семнадцать.

— Или двадцать? Или шестнадцать? Или...

Я поняла, что еще немного — и он окончательно потеряется, поэтому оперативно сменила тактику. Тем более что после недолгого пребывания в объятиях лорда Хартли мне в голову пришла одна крайне забавная идея.

— Так, давайте поступим проще. Сейчас вы продемонстрируете мне, как выглядит идеальный реверанс, а я сниму с вас мерки.

Такого поворота событий мой гувернер, похоже, не ожидал. Он отшатнулся от линейки в моих руках так, словно я держала ядовитую змею. На бледных щеках проступили пятна.

— М-миледи... — Он аж заикаться начал от волнения. — Я... Не думаю, что это будет...

Я была почти уверена, что лорд Хартли хотел сказать нечто вроде «уместно», «приемлемо» или «допустимо» — или что там еще говорят мужчины, когда к ним неумолимо приближается измерительная лента.

Но гувернер удивил меня. Выпрямившись, он закончил речь иначе, чем я ожидала.

— Не думаю, что такие расчеты окажутся для вас полезными, леди Ева. Я почти на голову выше, а ваши ноги, как и полагается женской фигуре, имеют иные пропорции по отношению к телу. И центр тяжести смещен ниже...

Произнеся это, он так мило смутился, что я не удержалась от усмешки.

— Разумеется, милорд, я в курсе, что мои ноги длиннее, а бедра шире ваших. Давайте снимем мерки, а после я внесу соответствующие поправки и вычислю приемлемые для моего пола и фигуры параметры. Простая математика, ничего сложного.

— Рад, что у вас столь обширные познания в точных и естественных науках.

Надо было отдать лорду Хартли должное. В ситуации, когда большинство известных мне мужчин, включая отца, уже давно вспылили бы и посоветовали мне не заниматься ерундой, гувернер выдержал испытание и не дрогнул, когда я, неаристократично согнувшись, крутилась около его ног, размахивая лентой. Я даже зауважала его — на целую минуту, пока не напомнила себе, что этот лицемер сказал обо мне и за что я его ненавижу.

Вычисления, впрочем, и правда вышли занятные. По моим расчетам выходило, что идеальным расстоянием между ногами было пятнадцать с половиной дюймов или полторы моих стопы, наклонять голову лучше не ниже, чем на сорок градусов, а глубина реверанса явно определялась практикой. Так что если начинать тренироваться сейчас, то к моменту моего дебюта я смогу присесть достаточно глубоко, чтобы «почти» в отношении «колена, касающегося пола» составило меньше десяти дюймов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.